

УДК 94(3):264.014.1

НЕКОТОРЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБУЧЕНИЯ РИМСКОГО ВОЙСКА И РОЛЬ ПОЛКОВОДЦА В ИХ ОБЕСПЕЧЕНИИ (ЭПОХА ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ И РАННЕЙ ИМПЕРИИ)

канд. ист. наук, доц. С.В. ТЕЛЕПЕНЬ

(Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина)

Рассматривается римская военная дисциплина в ее широком контексте, охватывающая военное обучение в качестве особой системы ценностей и являющая собой не просто совокупность наказаний и поощрений, но целостную систему, которая через физическое и психологическое воздействие формировала солдата готовым к несению тягот армейской службы. Относительно же полководца заключим, что поскольку он обладал империем, то именно он, таким образом, пользовался и высшим авторитетом среди своих солдат и, следовательно, был ответственным за поддержание дисциплины, причем не только в ее карательном смысле, но и в отношении личного примера. Полководец не просто контролировал обучение воинов и применял наказания по необходимости, но контролировал ситуацию так, чтобы быть в состоянии поддерживать функционирование того по определению сплоченного воинского сообщества, каким являлось *exercitus*.

Введение. «*Certissima Romani imperii custos, severa castrorum disciplina*» – этими словами Валерий Максим сформулировал понимание римской военной дисциплины, каким оно было у многих из современников данного писателя (*Val. Max.* 6. 1. 11). Действительно, общепринятым (в том числе в научной среде) является мнение о том, что римским армейским порядкам была свойственна особая суровость: солдаты делали точно то, что им приказывали, подвергаясь за невыполнение приказа строгому наказанию. Но сколько бы мнений не высказывалось по поводу римской военной дисциплины, все они характеризуются тенденцией к недооценке ее связи с особой системой римского военного обучения, состоявшего в целенаправленном привитии новобранцам и поддержании у солдат особой системы ценностей, присущих лишь данной социокультурной среде – римскому войску – и отражаемых понятием *disciplina militaris*. Собственно, освоение войском данной системы ценностей лежит в основе процесса превращения просто суммы воинов *copia* в обученное войско *exercitus*.

Основная часть. Разумеется, нет сомнений, что наказания за нарушение дисциплины в римской армии были строгими. Правда, это компенсировалось, как замечает Полибий (*Polib.* VI. 37.7 – 39), такими стимулами, как доля в военной добыче и награда за *virtus* (мужество). И тем не менее *disciplina militaris* у римлян, как представляется, – это нечто большее, чем награды и наказания. Римская военная дисциплина была методом закаливания солдатских тела и духа ради достижения (в том числе) абсолютного повиновения солдата командиру (*Polib.* VI. 36 – 39, *Suet. Div. Aug.* 24. 5, *Jos.* III. 5.7), но также ради определения сфер, в рамках которых солдат был волен проявлять инициативу.

С другой стороны, выражение источников «*disciplina castrorum*» является здесь важным указанием на механизмы воинского обучения, поскольку оно акцентировано на местонахождении солдата вне города, помещения воина в лишаящее его свободы пространство военного лагеря. Это пребывание в лагере ставило солдата не только вне порядков штатской действительности, но и вне порядка мира природы, и заставляло воина сосредоточить внимание на себе, на самоконтроле, который был создан и контролируется иерархией военных чинов.

Разумеется, личность воина не была полностью потеряна в пределах этой системы. Действительно, карьерные успехи в армии зависели от индивидуального поведения, хотя и направленного на достижение высокого результата всей группы. Выбор был возможен для солдата: задача командования состояла в том, чтобы обеспечить направления мысли и деятельности солдата как явные, так и подразумеваемые, которые вели бы воина к самостоятельному принятию надлежащего решения. Акцент здесь делался на личной ответственности солдата.

Хотя мир личности, оказавшейся в лагере, оставался весьма узким, постоянный надзор за солдатом был невозможен. Следовательно, косвенные методы контроля, соединенные со страхом наказания, были неотъемлемым признаком римской армейской действительности. При всей потенциальной жесткости данной системы, последняя характеризовалась удивительной гибкостью в актуальном применении. Полководец и его офицеры могли выбирать – применять уставные правила или нет, тренировать солдат особым образом или обходиться стандартными упражнениями. Полководец мог выбирать – наказать за неповиновение или проявить снисходительность. *Moderatio* и *comitas* вождя, таким образом, обеспечивали сбалансированность применения уставных правил. Такая политика в применении неких уставных правил обеспечивала, кстати, *disciplina militaris* большую гибкость в поведении римского войска на поле

боя, чем это обычно видится исследователям, а именно позволяла войску приспосабливаться к менявшимся условиям и постоянно меняться самой армии.

Однако основой любого научного построения относительно римской армии остается мысль о том, что последовательностью подходов к дисциплине римская армия отличалась от других воинских сообществ древности. Полное понимание этого обстоятельства зависит от понимания специфики римского военного лидерства, основанного на определенных традициях, включающих особым компонентом традицию жертвенного самоконтроля римского полководца. Все это можно увидеть на примерах восстановления дисциплины в римской армии, из которых наиболее известными являются те, что связаны с именами Сципиона Эмилиана у Нуманции и Метелла в Африке (относительно Сципиона – *App. Iber.* 85; *Plut. Mor. Regum et imperatorem apophthegmata* 201 С; относительно Метелла – *Sallust. B. Jug.* 45. 2; [*Front. Strat.* IV. 2; *Valer. Max.* II. 7. 2).

Тем не менее практические соображения римской военной службы в равной степени и определяли римскую концепцию дисциплины, и противоречили ей – дисциплине, которая была одновременно и идеологемой, и прагмой.

Безусловно, главным механизмом приобщения к *disciplina militaris* была тренировка войска, т.е. воинское обучение в узком смысле. Это было тем, в чем проявлялись фундаментальные принципы службы. Обучение было основным способом приучения солдата к его армейскому окружению и армейским условиям жизни. Обученный солдат становился дисциплинированным, умелым и исполнительным. Здесь очевидны два компонента дисциплины: физический и моральный. Физический компонент состоял в выполнении определенных приемов, в поддержании соответствующей физической формы и приобретении определенных воинских умений и фиксировался с помощью корня *disc* – «учиться» так же, как и основное значение понятия «*disciplina*» – «обучение». Моральный компонент складывался из качеств, непосредственно относящихся к военному обучению, таких как стойкость характера, готовность подчиняться командирам, но также качества более высокого порядка: храбрость и честь [1, s. 1175–1183; 2, s. 187].

В идеале, дисциплина должна была быть видна во всем, что делал солдат, а не только в его воинском мастерстве на поле боя. Тем не менее основная часть службы протекала вне участия в сражениях, и воспитание, а также поддержание дисциплины, хотя и связанные с подготовкой солдата к битвам, составляли суть жизни армейского лагеря. Таким образом, выражение *disciplina castrorum* обозначает не место и время, которыми она (*disciplina castrorum*) была ограничена, но, скорее, то, что следовало из взаимодействия между солдатом, армейской иерархией и солдатским окружением, которыми проверялась и укреплялась солдатская идентичность.

В каком соотношении находятся физические и моральные компоненты римской военной дисциплины? Хорсман сомневается в наличии здесь прямой связи, хотя обращает внимание на то, что римляне считали физическую тренировку условием, способствовавшим выработке психологической установки на дисциплину [2, s. 187–188, 197]. Тем не менее Я. Ле Бозэ обращает внимание на то, что в современном антиковедении аксиологические функции военного обучения все более становятся предметом специального анализа [3, с. 151].

Эта взаимозависимость между обучением и дисциплиной, так же как и центральное положение в ее обеспечении командира, характерна для римской практики и имеет большое значение для обеспечения взаимодействия между солдатом и полководцем. Существовала нерасторжимая связь между физической деятельностью, обеспечивавшей моральные характеристики дисциплины, и соответствующими психологическими установками солдата, облегчавшими эту физическую деятельность, что демонстрируется многочисленными свидетельствами, в которых полководцы прибегают к физическим компонентам дисциплины, чтобы восстановить ее моральные составляющие [2, s. 117]. Несомненно, условия военной службы в период военных действий были в физическом отношении тяжелы, поскольку это было связано с нерегулярными поставками продовольствия, частыми перемещениями из лагеря в лагерь и, конечно, риском сражений. Тяготы солдатской жизни вошли в пословицу: Валерий Максим упоминает по случаю *labores et pericula militiae* (тяжелые работы и опасности военной службы) (*Val. Max.* 2. 3. 1), и подобные описания являются нередкими. Так, Вергилий пишет о *belli labores* (*Vergil. Aen.* 11. 126), Ювенал, Цицерон, Курций Руф, Ливий, Овидий, псевдо-Саллустий, Помпей Трог – о *labor militiae* (*Juv.* 16. 52; *Cic. ad Fam.* 7. 8. 1, *ad Quint. Frat.* 3. 6. 1; *Curtius Rufus* 9. 3. 1; *Liv.* 44. 22. 14; *Ovid. Fasti* 1. 302; *Pon.* 1. 6. 10; [*Sall.*] *Ep. Ad Caes.* 2. 2. 2, 2. 10. 9; *Pomp. Trog. fr.* 152). О *castrorum labores* пишут Ювенал, Цицерон и Гирций (*Juv.* 14. 198; *Cic. Mur.* 38; *Hirtius BG* 8. 4. 1). Именно упорный физический труд и военные упражнения, необходимые для того, чтобы быть солдатом, отражаются, согласно Цицерону и Варрону, римским понятием *exercitus* (*Cic. Tusc. Disp.* 2. 37; *Varro DLL* 5. 87: «*Exercitus, quod exercitando fit melior*»).

В свою очередь, в период военных действий, когда естественные эмоции страха или ярости могли легко овладеть солдатами, контроль над поведением войска был особенно актуален. Кроме того, самоконтроль, предписывавшийся каждому солдату, – другими словами, подчинения побуждений воле – вел

к подчинению самое себя – командиру. Привычка к перенесению тягот была, таким образом, в конечном счете в такой же мере выражением самоконтроля, в какой результатом внешнего контроля. Неудивительно поэтому, что Помпей в ходе своего военного обучения, согласно Диодору Сицилийскому, практикует не только чтение теоретиков военного искусства, но и употребление солдатской пищи, причем делает это на солдатский манер: употребляет грубую и скудную пищу, сидя, а не возлежа, как то было принято у аристократов (*Diod. Sic.* 38. 9).

Качества, сформировавшиеся практикованием особого типа поведения, представляют собой то, что было в состоянии изменить даже физическую природу человека: Цезарь укреплял свое от природы слабое тело, ведя солдатский образ жизни (*Plut. Caes.* 17. 3, сравни – его же *Cato Maj.* 4. 3).

Солдатский стиль поведения, таким образом, позволял изменить идентичность человека так, чтобы он ощущал себя прежде всего воином, и лишь затем гражданином. Из этого логически следует, что поддержание солдатской идентичности было главным смыслом данного поведенческого стиля. Позволить этим привычкам – к перенесению тягот и трудам – потерять ценность, значило позволить сомневаться в солдатском статусе лица, а значит – сомневаться в обязанности данного лица подчиняться командирам. Римская военная дисциплина была принципом, обеспечивавшим поддержание соответствующих норм поведения таким образом, чтобы воинская идентичность не могла быть подвергнута сомнению.

Необходимо отметить амбивалентность, присущую этому способу фиксации солдатского статуса (посредством практикования данных поведенческих норм): некое лицо становилось солдатом через соответствующую практику, но оно же могло быть лишено солдатского статуса за ненадлежащее поведение, как это видно в случаях, когда солдаты погрязали в «роскошной жизни» городов, о чем пишет, дискуссия по поводу топоса «роскошь» Э. Уилер [4, р. 229ff.].

Из вышесказанного следует, что другой особенностью обеспечения римской военной дисциплины, является выработка однородного типа поведения посредством приучения воинов к самоконтролю. Развитие самообладания, т.е. самоконтроля, так же как и взаимосвязи между физическими и моральными компонентами, до сих пор в науке обсуждалось мало, впрочем, так же как и их взаимосвязь со многими другими факторами поддержания римской военной дисциплины, такими, например, как суровость военных наказаний и тяжесть работ (например, строительных), возлагавшихся на солдат [2, s. 197].

Воля к сдерживанию таких базовых инстинктов, как голод или сексуальное желание, должна была сформировать солдата в его основных качествах за время его службы. Акцент на индивидуальном самоконтроле на каждом уровне армейской иерархии показывает, почему дисциплина была формируема не только через наказание, но также через пример поведения, подававшийся полководцем. Как о Помпее, так и о Цезаре известно, что их способность выносить лишения была для них важнейшим средством побуждения солдат к такой же стойкости. Будучи на вершине армейской иерархии, они выполняют полководческий долг, демонстрируют пример поведения истинного солдата. Это поведение базируется на двух установках: во-первых, на том, что командиры – всегда в фокусе зрения своих солдат, во-вторых (и это более существенно), что они обязаны так организовать подчиненных, чтобы постоянно оставаться в данном фокусе. Выбор Помпея здесь заключался в самоограничении относительно пищи и отдыха, демонстрации тем самым единства со своими солдатами. Цезарь добивался того же эффекта, преодолевая силой воли слабость своего здоровья (*Suet. Div. Jul.* 57; *Plut. Caes.* XVII). Однако такая сверхподвижная манера поведения Помпея и Цезаря выделяла их не только по отношению к рядовым воинам, но и по отношению к другим полководцам того периода, и была как бы выражением их – Помпея и Цезаря – полководческой исключительности. Требуя от своих солдат *labores*, Помпей и Цезарь сами выполняли *labores* наряду с солдатами, хотя им приходилось нести еще и командирские обязанности. Для понимания различий в ответственности солдата и полководца показательное место из «Заговора Катилины» Саллюстия (*Sallust. Cat.* 60. (4)): *Interea Catilina cum expeditis in prima acie vorsari, laborantibus succurrere, integros pro sauciis arcessere, omnia providere, multum ipse pugnare, saepe hostem ferire: strenui militis et boni imperatoris officia simul exsequebatur* – «В это время Катилина с легковооруженными находился в первых рядах, поддерживал колебавшихся, заменял раненых свежими бойцами, заботился обо всем, нередко бился сам, часто поражал врага; был одновременно и стойким солдатом, и доблестным полководцем» (пер. В.О. Горенштейна). У Цезаря же читаем (*Caes. BG V.* 33): *At Cotta... et in appellandis cohortandisque militibus imperatoris et in pugna militis officia praestabat* – «Кота... не только обращался со словами ободрения к солдатам, но и сам принимал участие в бою и, таким образом, исполнял обязанности и полководца, и солдата» – пер. М.М. Покровского).

Из приведенных отрывков видно, что, как полагают наши авторы, полководческая *providentia* нужна была в сражении для поддержания морального духа воинов, чтобы обеспечить выполнение тактических приказов – еще один показатель неразрывной связи между физическими и моральными характеристиками солдат. Голдсуорти очевидно прав, когда говорит, что умение полководца поддерживать моральный дух войска было не менее важным умением, чем владение приемами тактики и стратегии [5, р. 116]. Однако здесь Голдсуорти идет не дальше признания того, что эти два умения «обычно взаимозависимы»

(англ. – «are usually mutually dependent») [5, p. 119]. Понимается, трудно избежать осторожности в формулировках, когда корректируешь подходы предшественников, изучавших данный вопрос, но в конечном счете – здесь неизбежно принятие римского подхода (к определению обязанностей полководца), что, на наш взгляд, должным образом в науке еще не делалось.

Конечно, несмотря на демонстрацию полководцем единства с войском, существовала очевидная дистанция между солдатом и полководцем, проявлявшаяся в очевидных различиях: в особенных – одежде и вооружении командира, в тех относительных удобствах, которыми пользовались офицеры, таких, например, как более качественная пища и более удобные квартиры [6, p. 89–90]. Хотя некоторые свидетельства источников – сообщения о роскошной жизни командиров – могли быть связаны со стремлением дискредитировать противника. Например, так была представлена Цезарем жизнь его врагов – лидеров республиканской партии в лагере у Фарсалы [7, p. 239ff.]. Тем не менее настоящий вождь был также, что естественно, лучшим в отношении воинского мастерства, что собственно и оправдывало его исключительное положение лидера. Примеры многочисленны. У Плутарха Помпей, в возрасте 58 лет, во многих из воинских навыков превосходит гораздо более молодых солдат (*Plut. Pomp. LXIV*), а Марий терпеливо переносит болезненную операцию без слов и не меняясь в лице (*Plut. Marius VI – VII*).

Таким образом, было много того в жизни военного лагеря, что должно было регулироваться командиром посредством обеспечения баланса между разрешением индивидуального выбора в поведении солдата и наказанием за ненадлежащее поведение при реализации права на такой выбор, а также между нормами поведения, которые отличали уровни армейской иерархии, и нормами поведения, общими для солдат и офицеров, т.е. нормами, обеспечивавшими солидарность войска, дух его идентичности. Именно на командира была возложена обязанность обеспечения баланса в реализации каждой из этих поведенческих стратегий, которые (при необходимости) могли задаваться его, полководца, речью, конкретными действиями, общим поведением, т.е. путем демонстрации эффективного лидерского стиля.

Следовательно, третьей особенностью обучения войска было последовательное отделение солдатской массы от ее штатского окружения.

Военная дисциплина, как в ее воспитании, так и в применении результатов, помимо прочего включала в себя дополнительные аспекты, которые были продуктом контекста и условий римской военной службы. Результатом обучения был дисциплинированный солдат, но дисциплина также подразумевала создание определенной среды. По этой причине существенным фактором поддержания дисциплины, в смысле обеспечения беспрекословного повиновения, был не только контроль за поведением солдата посредством физической тренировки, применявшейся в основном к новобранцам, но также отделение солдат от внешнего мира и фокусирование их внимания на лагерной службе и военной жизни. Многие из этих норм поведения были актуализируемы не только в периоды восстановления дисциплины, но были также моделируемы в своих существенных признаках примером самого полководца. Практическое воплощение этих норм поведения было столь же важным для воспитания дисциплинированного солдата, сколь вообще важным было военное обучение.

В современном антиковедении известно авторитетное мнение, что римское армейское сообщество имеет определенные черты, делающие его как бы зеркальным отражением *civitas* (гражданского коллектива, полиса) [8, с. 178]. Но невзирая на это внешнее сходство лагеря с полисом, К. Николе отмечает, что в республиканском Риме изменение статуса человека путем превращения его из штатского лица в солдата было особенно значимым. Значимость перехода подчеркивалась особой солдатской клятвой – *sacramentum*, игравшей роль присяги и дававшейся именно в том случае, если солдат должен был служить сверх положенного срока (в отличие от присяги – *iusiurandum*, дававшейся, когда гражданин призывался на установленный законами обычный срок [9, p. 103–105]).

Разграничение статусов – солдата и невоенного лица – происходило по множеству критериев и признаков, в том числе внешних. Особая солдатская пища, а также пищевые запреты, принятые в войске, не только готовили солдата к тяготам военной жизни, но и были средством идентификации воина, таким образом резко отличаемого от остальной части общества. Освобождение солдата из-под отцовской власти также обеспечивало его отрыв от невоенного сообщества и переориентировало воина на социальные связи, существовавшие внутри войска. Солдат, таким образом, становился более мобильным, т.е. соответствующим требованиям военных обстоятельств. Даже сама структура военного лагеря служила четкому отделению армии от остальной части общества, поскольку в соответствии с требованиями дисциплины в лагере не должно было находиться невоенных лиц [6, p. 100]. В действительности реальность была не столь однозначной. Поэтому восстановление дисциплины в лагере у Нуманции началось с изгнания отсюда Сципионом штатских (посторонних) лиц (*Liv. Periochae LVII*; [*Front.*] *Strat. IV. 1.1*; *Val. Max. II. 7. 1*; *App. Iber. 84 – 85*; *Plut. Mor. 201 C*).

Отметим, что эти три особенности римского военного обучения, воплощающие в себе его механизмы, являются весьма общими и не объясняют большие изменения в организации римского войска, происходившие от эпохи Средней Республики до поздней Империи. Тем не менее, как следует из источ-

ников, эти особенности находились в неразрывной связи с философией военного лидерства, хотя методы применения ее с течением времени менялись. Росли противоречия между традиционным пониманием военной дисциплины, выработанным в то время, когда войско было еще гражданским ополчением, и актуальной практикой эпохи, когда разворачивается процесс профессионализации воинской службы, и когда «дисциплина как самостоятельная ценность сформировалась... с углублением профессионализации военного дела и отделением его от прочих сфер частной жизни» [10, с. 130].

Первая из вышеприведенных особенностей римского военного обучения (приучение войска к постоянным трудам), кажется, менялась очень мало. Упорный труд и военные упражнения были неизменно актуальными как в эпоху Республики, так и при Империи, что хорошо заметно при сопоставлении свидетельств, исходящих от авторов Средней Республики и, соответственно, ранней Империи (в частности, Полибия и Иосифа Флавия). Полибий пишет о превосходстве римской системы военного обучения в сравнении с греческой: «Каждый римлянин, раз он идет в битву вполне вооруженный, приготовлен в одинаковой мере для всякого места, времени, для всякой неожиданности. Точно так же он с одинаковой охотой готов идти в сражение, ведется ли оно всей массой войска разом, или одною его частью, манипулом или даже отдельными воинами» (*Polib.* XVIII. 32. – пер. Ф.Г. Мищенко).

Как можно здесь видеть, Полибий делает акцент на способности римского солдата действовать в различных условиях, что подразумевается словами Полибия: «приготовлен в одинаковой мере для всякого места, времени, всякой неожиданности». Для достижения таких результатов римскому солдату требовалось немало сил и времени потратить на соответствующую тренировку. Описание Иосифом Флавием солдатских занятий подтверждает эти более ранние данные. Согласно Иосифу, римляне готовятся к битвам даже в мирное время, так что «их упражнения можно справедливо назвать бескровными сражениями, а их сражения кровавыми упражнениями» (*Jos. BJ.* III. 5. 1 – пер. Я.Л. Чертка).

Свидетельство Цицерона (хотя и поданное в риторическом контексте) о военных упражнениях дополняет наши сведения, черпаемые у Иосифа. Причем Цицерон акцентирует внимание на том обстоятельстве, что смысл этих упражнений состоит не только в развитии боевых навыков, но и в не менее здесь важном воспитании воинского стиля поведения, особенно значимого в сражении (*Cic. Tusc. Disp.* II. 37 – 38). Цицерон сравнивает реакцию на ранения новобранца и ветерана: в то время как новобранец стонет даже при незначительном ранении, ветеран стоически переносит даже серьезные раны. Цицерон делает акцент на роли военного обучения именно в качестве средства для воспитания соответствующего типа поведения (а не просто физических навыков), поскольку новобранец имеет преимущество перед ветераном в возрасте, а значит и в выносливости (*Cic. Tusc. Disp.* II. 37 – 38): *Quid? exercitatio legionum, quid? ille cursus, concursus, clamor quanti laboris est! Ex hoc ille animus in proeliis paratus ad vulnera. Adduc pari animo inexercitatum militem, mulier videbitur. 38 Cur tantum interest inter novum et veterem exercitum quantum experti sumus? Aetas tironum plerumque melior, sed ferre laborem, contemnere vulnus consuetudo docet. Quin etiam videmus ex acie efferris saepe sancios, et quidem rudem illum et inexercitatum quamvis levi ictu ploratus turpissimos edere; at vero ille exercitatus et vetus ob eamque rem fortior medicum modo requirens, a quo obligetur...* – «А сами упражнения легионов, их бег, стычки, битвенный шум – разве это не труд? Здесь и учится душа принимать боевые раны; сравни с обученным воином необученного – скажешь, что это баба. (38) Откуда такая разница между новобранцем и ветераном, какую мы видим с первого же взгляда? Молодость новобранцев – отличное свойство, но терпеть труды и презирать раны учит только опыт. То же видим мы, когда несут из сражения раненых: неопытный новичок издает жалостные стоны от каждой легкой раны, а бывалый ветеран, сильный своим опытом, только зовет врача, чтобы тот помог» (пер. М.Л. Гаспарова).

Цезарь в своем пассаже о германском племени свевов также подчеркивает, что обучение воинов в первую очередь направлено на выработку навыков подчинения, и лишь во вторую – определенных физических умений. Свевы, подобно новобранцам Цицерона, имеют физическое преимущество в сравнении с римлянами, и Цезарь описывает их как наиболее воинственных из германцев. Тем не менее Цезарь обращает внимание, что хотя свевы постоянно упражняют свое тело, им свойственно пренебрежение дисциплиной и, как следствие, преимущественное использование в бою своей грубой силы (*Caes. BG IV*): 1: *Quae res et cibi genere et cotidiana exercitatione et libertate vitae, quod a pueris nullo officio aut disciplina aduffecti nihil omnino contra voluntatem faciunt, et vires alit et immani corporum magnitudine homines efficit.* – «Она (охота на диких животных – *C. T.*) развивает их физические силы и сообщает им огромный рост благодаря особой пище, ежедневным упражнениям и полной свободе, так как их с самого детства не приучают к повиновению и дисциплине и они делают только то, что им нравится» – (пер. М.М. Покровского).

Римское военное обучение было основано на использовании различных методов, так как ориентировалось не только на выработку физических навыков, но и особых навыков поведения, тех, которые связаны с психологической стойкостью и самоотречением (*facere contra voluntatem*). Иосиф Флавий также отмечает эту особенность римского военного обучения, являющуюся предпосылкой высоких боевых

качеств римских солдат: «Упражнения оружием направлены у них к тому, чтобы закалить не только тело, но и дух» (*Jos. BJ. III. 5. 7* – пер. Я.Л. Чертка).

Организованность солдата, умение его действовать согласованно также предстает как отражение его внутренней дисциплины. Император Адриан во время его объезда провинций Империи считает для себя обязательным инспектирование легионов. Сохранился фрагмент речи Адриана, произнесенной по итогам учений III Августова легиона, квартировавшего тогда в Африке. Здесь Адриан хвалит солдат за их организованность и ловкость в построении оборонительного лагеря (*ILS 2487*): ... *[munitiones quas] alii [per] plures dies divisissent, eas uno die peregristis; murum lo[n]gi operis et quails mansuris hibernaculis fieri solet non [mul]to diutius exstruxistis quam caespite exstruitur, qui m[o]dulo pari caesus et vehitur facile et tractatur et sine mof[les]tia struitur, ut vjllis et planus pro natura sua: vos lapi[dibus] grandibus gravibus inaequalibus, quos neque vehere n[e]que attollere neque locare quis posit, nisi ut inaequa[lita]tes inter se compareant* – «Упражнения, которые другие выполняют в течение многих дней, вы выполнили в один день. Длинную стену, какую обычно возводят солдаты, остающиеся зимовать в лагерях, вы выстроили почти в такой же срок, в какой другие строят изгородь из дерна; [между тем дерн], будучи мягким и ровным по своей природе, разрезается на равные части, легко перевозится и обрабатывается и не представляет затруднений при постройке. Вы же [строили] из больших, тяжелых и неровных камней, которые нельзя ни перевозить, ни поднести, ни разместить, не выровняв существующих между ними неровностей существующих между ними неровностей» (пер. под ред. С.Л. Утченко).

Особое внимание, которое здесь Адриан обращает на видимую четкость действий солдат, обусловлено непрямыми целями военного обучения – существенно, что для того, чтобы произвести впечатление на императора, воины действовали в условиях, приближенных к боевым. Слаженность в такой ситуации могла быть результатом лишь упорных тренировок, что вполне согласуется с римскими представлениями о хорошем солдате. Таким образом, принцип контроля за поведением воинов пережил эпоху Республики, перейдя в практику профессионализовавшейся армии Империи.

Вторая и третья особенности (выработка однородного типа поведения посредством приучения воинов к самоконтролю и последовательное отделение солдатской массы от ее штатского окружения) были в наибольшей степени актуальны в условиях профессионализации военной службы. Обе, кажется, первоначально базировались на идее солдата-гражданина, лишь временно оторвавшегося от своих домашних дел. Постепенная профессионализация армии – это был долгий процесс, который, вероятно, начался в середине II века до н. э. [11, р. 253], выразившись не только в условиях набора солдат, но также в сроках службы, и достигнув логического завершения в эпоху Августа с появлением постоянных лагерей. Наряду с большим контролем со стороны командиров, т.е. более строгим регламентированием службы, это пребывание в лагерях означало более регулярное и обильное снабжение солдат продовольствием (во всяком случае – в мирное время). Так что в итоге воины питались лучше, чем местное невоенное население [12, р. 98]. При этом топос «простой солдатской» пищи продолжал эксплуатироваться как одно из выражений тягот военной службы, хотя акцент делался не на количестве этой пищи, а именно на ее «грубости» (*Onas. X. 5; SHA Hadr. X. 2*).

Разделение солдат и граждан, таким образом, усилилось. С другой стороны, создание постоянных лагерей вело к тому, что солдаты оказываются в окружении растущего городского населения канаб (в смысле прилагерных поселков), т.е. населения, концентрирующегося здесь первоначально с тем, чтобы обслуживать обитателей лагеря. В результате эти постоянные лагеря (при том, что служба продолжалась 20 лет и более) создавали новые проблемы для властей Империи. Например, проблемы, которые вытекали из обзаведения солдатами фактическими семьями (несмотря на официальный запрет солдатских браков). В результате идеал солдата-сельского жителя (в смысле находящегося вне тлетворного влияния городской среды), свободного вместе с тем от семейных привязанностей, становился труднодостижимым.

Заключение. Можно согласиться с мнением, что римская военная дисциплина в ее широком контексте охватывает военное обучение в качестве особой системы ценностей и являет собой не просто совокупность наказаний и поощрений, но целостную систему, которая через физическое и психологическое воздействие формировала солдата готовым к несению тягот армейской службы [9, р. 106–107; 13, р. 404]. Относительно же полководца можно сделать вывод, что поскольку он обладал империем, то именно он, таким образом, пользовался и высшим авторитетом среди своих солдат и, следовательно, был ответственным за поддержание дисциплины, причем не только в ее карательном смысле, но и в отношении личного примера. Полководец не просто контролировал обучение воинов и применял наказания по необходимости, но контролировал ситуацию так, чтобы быть в состоянии поддерживать функционирование того по определению сплоченного воинского сообщества, каким являлось *exercitus*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fiebigger. *Disciplina militaris* / Fiebigger // *Der Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*. Fünfter Band. Demogones – Ephoroi. – Stuttgart: J.B. Metzlersche Buchhandlung, 1905. – 2864 s.
2. Horsmann, G. *Untersuchungen zur militärische Ausbildung in Republikanischen und Kaiserzeitlichen Rom* / G. Horsmann. – Boppard am Rhein, 1995. – 279 s.
3. Ле Бож, Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Я. Ле Бож; пер. с франц. М.Н. Челинцевой. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001. – 400 с.
4. Wheeler, E.L. *The laxity of Syrian legions* / E.L. Wheeler // *The Roman Army in the East (Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series 18)* – Ann Arbor: Journal of Roman Archaeology, 1996. – P. 229–276.
5. Goldsworthy, A. *The Roman Army at War 100 B.C. – A.D. 200* / A. Goldsworthy. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 328 p.
6. Roth, J.P. *The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. – A.D. 235)* / J.P. Roth. – Leiden: Brill, 1999. – XXI, 399 p.
7. Rossi, A. *The Camp of Pompey: Strategy of Representation in Caesar's *Beiium Civile** / A. Rossi // *Classical Journal*. – 2000. – № 95. – P. 239–256.
8. Махлаюк, А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность / E.L. Wheeler. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, Изд. «Акра», 2006. – 440 с.
9. Nicolet, C. *The World of the Citizen in Republican Rome* / C. Nicolet. – Berkeley: University of California Press, 1980. – 435 p.
10. Козленко, А.В. Военная история античности: полководцы, битвы, оружие: словарь-справочник / А.В. Козленко. – Минск: «Беларусь», 2001. – 479 с.
11. Gabba, E. *Republican Rome, the Army, and the Allies* / E. Gabba. – Berkeley: University of California Press, 1976. – IX, 272 p.
12. Garnsey, P. *Food and Society in Classical Antiquity* / P. Garnsey. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – XIV, 175 p.
13. Oakley, S.P. *Single Combat in the Roman Republic* / S.P. Oakley // *Classical Quarterly*. – 1985. – № 35. – P. 392–410.

Поступила 17.05.2013

**SOME MECHANISMS OF TEACHING THE ROMAN ARMY
AND THE COMMANDER ROLE OF THEIR GUARANTING
(AGE OF LATE REPUBLIC AND EARLY EMPIRE)**

S. TELEPEN

The Roman military discipline in its broader context includes military training as a particular system of values and represents not just a set of punishments and rewards, but the whole system, which is through the physical and psychological impact has formed a soldier ready to bear the burdens of military service. Regarding the commander conclude that because he had an empire, then was he so enjoyed and the highest authority among his soldiers, and therefore was responsible for the maintenance of discipline, not only in its punitive sense, but also in terms of personal example. The commander is not just controlled the training of soldiers and apply penalties as appropriate, but control of the situation so as to be able to support the operation of addition, by definition, a close-knit military community, which was exercitus.